

A person in a tactical suit is jumping from a building in a city. The person is wearing a dark, hooded jacket with a tactical harness and a knife on their belt. They are in mid-air, with their arms outstretched. The background shows a dense urban environment with tall buildings and a street below. The text is overlaid in red.

СМЕРТЬ

В

КРЕДИТ

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

Сергей Патрушев

Смерть в кредит

<https://litres.ru/74264944>

SelfPub; 2026

Аннотация

Максим Кольцов — начальник отдела взыскания крупного банка. Он безжалостно выбивает долги из чужих людей, но его собственная жизнь - финансовая катастрофа: валютная ипотека превратилась в петлю на шее, а четырехлетней дочери нужна пересадка костного мозга стоимостью в сотни тысяч долларов. Когда коллекторы начинают охоту на него самого, на телефон приходит анонимное сообщение: «Мы знаем про твой долг. Хочешь списать? Взамен - услуга».

Так Макс попадает в «Кредитный клуб» - тайную организацию, которая гасит долги отчаявшихся людей в обмен на беспрекословное подчинение. Лозунг Клуба - «Отработай телом и волей». Сначала задания кажутся безобидными: оставить открытой дверь, надавить на нужного человека. Но вскоре Макс понимает: он стал винтиком в машине, которая превращает людей в расходный материал. А главный клиент Клуба - теневой олигарх, заказывающий устранение свидетелей.

Вырваться из системы невозможно: «Смертный полис» превращает в заложников его жену и дочь.

Содержание

Глава 1. Тридцать второй этаж	4
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Патрушев

Смерть в кредит

Глава 1. Тридцать второй этаж

Стекло было холодным. Таким холодным, что, казалось, молекулы воздуха, соприкасающиеся с панорамным полотном, превращаются в микроскопические кристаллы инея. Максим Алексеевич Кольцов, руководитель отдела взыскания проблемной задолженности одного из крупнейших частных банков страны, стоял, почти вжавшись лбом в эту прозрачную преграду, и смотрел вниз, в бездну московского осеннего вечера. Тридцать второй этаж. Высота, на которой уже не слышно ни клаксонов, ни визга тормозов, ни ругани дворников, счищающих с тротуаров первую, еще рыхлую октябрьскую грязь. Здесь, наверху, царила собственная, искусственно созданная экосистема: идеально кондиционированный воздух, приглушенный свет дизайнерских ламп, наминавших формой капли ртути, и бесконечная анфилада стеклянных перегородок, деливших пространство опенспейса на зоны ответственности.

Внизу, под пеленой морозящего дождя, люди превраща-

лись в пиксели размытого хаоса. Макс любил это слово — «пиксели». Оно идеально отражало его мировоззрение последних пяти лет. Человек — это не душа, не боль, не надежда. Человек — это единица информации. Кредитная история, скоринговый балл, график платежей, наличие судимостей, остаток на карте. Пиксель на мониторе его рабочего компьютера. Он мог выделить этот пиксель мышкой, приблизить, рассмотреть детали, а затем отправить в корзину простым нажатием клавиши. Именно так он и поступал. День за днем. Год за годом.

Он поправил узел галстука — темно-синего, в тонкую бордовую полоску, завязанного идеальным виндзорским узлом. Галстук был от «Бриони», купленный в бутике на Кутузовском, когда он еще верил, что жизнь — это череда восходящих ступеней, ведущих к свету. Он помнил тот день в деталях: Света, беременная на пятом месяце, шла рядом с ним, держась за его руку и смеясь, что он тратит бешеные деньги на кусок шелка. «Макс, ну куда тебе еще один? У тебя их уже целая армия», — говорила она, а он отвечал, что волк должен носить шкуру волка, особенно когда идет на охоту. Теперь этот галстук, стоивший как месячная аренда квартиры где-нибудь в спальном районе, ощущался не как оружие, а как удавка. Шелк сдавливал горло, мешал дышать, напоминая о том, что статус — это ловушка. Что чем выше ты забрался, тем больше будет падать.

Он перевел взгляд на свое отражение в оконном стекле. Оно было бледным, почти призрачным, наложенным на темнеющее небо, по которому ветер гнал рваные тучи. Высокий лоб, на котором за последние полгода появились две глубокие вертикальные морщины между бровями — такие называют «морщинами гнева», но у него они были «морщинами ужаса». Широкие плечи, которые он все еще держал развернутыми, по армейской привычке, вбитой в него еще на срочной службе в ВДВ. Короткая стрижка с залысинами у висков — они появились не от возраста, а от химии стресса, разъедавшей волосяные луковицы. Костюм сидел безупречно, складки стрелок на брюках были острыми как лезвия, запонки из белого золота тускло мерцали в полумраке. Безупречный фасад. Но глаза. Глаза, в которые он старался не смотреть подолгу, выдавали его с головой. Красные, воспаленные, с лопнувшими капиллярами на белках и темными, почти фиолетовыми кругами, которые не мог замаскировать ни один сон, потому что сна уже давно не было. Совсем. Только тяжелое, провальное забытие после двух таблеток снотворного, залитых виски. И пробуждение в четыре утра от собственного крика. Снилось одно и то же: он тонул в море бумаг, а бумаги эти были кредитными договорами, подписанными его собственной рукой.

За спиной слышался знакомый перестук каблуков. Ле-

ночка, его бессменный ассистент, девушка с ангельским личиком и феноменальной способностью появляться именно тогда, когда она нужна, везла тележку с кофе. Она скользила по офису бесшумно, как привидение, но ее каблуки — острые шпильки от «Лабутен» с красной подошвой, предмет зависти всей женской половины департамента, — выдавали ее приближение за три метра. Леночка была молода, амбициозна и, как подозревал Макс, являлась глазами и ушами службы безопасности. Впрочем, он не винил ее. В их системе выживал тот, кто умел собирать информацию.

— Максим Алексеевич, вам как обычно? Американо, без сахара, двойной эспresso, температура девяносто два градуса? — Ее голос звучал мелодично, как колокольчик, но Макс давно научился слышать в нем профессионально поставленные нотки. Она гордилась тем, что помнит все его привычки. Гордилась тем, что знает его лучше, чем он сам. Так думала она. На самом деле она не знала о нем ничего.

— Добавь сахара, Лен, — он произнес это, не оборачиваясь, продолжая гипнотизировать взглядом далекие огни Садового кольца. — Сегодня можно. Даже нужно.

Тишина, повисшая после его слов, была красноречивее любой реплики. Леночка замерла. Ее рука с фарфоровой сахарницей зависла в воздухе. Максим Алексеевич Кольцов

никогда, за все три года, что она подавала ему кофе, не пил сладкое. Он говорил, что сахар затуманивает сознание, вызывает ложное чувство насыщения и снижает агрессивность, необходимую для переговоров. Сахар был для слабаков. Так он утверждал, инструктируя новичков отдела: «Забудьте про булочки и печенье. Голодный волк злее. Сытый волк ленив». И вот теперь — сахар. Леночка аккуратно, словно имея дело со взрывчаткой, опустила в черную маслянистую жидкость два кубика рафинада. Они пошли ко дну, медленно растворяясь, меняя химию напитка. Меняя химию утра. Что-то происходило с ее шефом, и она, профессиональный наблюдатель, чувствовала это кожей.

Макс взял чашку, повернулся, коротко кивнул в знак благодарности и сделал глоток. Сладкая горечь обволокла рецепторы. Он почти забыл этот вкус. Вкус детства, когда бабушка поила его чаем с сахаром вприкуску, пока родители разводились на кухне. Вкус беззаботности. Вкус, который сейчас казался предательским, потому что беззаботности в его жизни больше не существовало. Тело требовало глюкозы — не столько для энергии, сколько для того, чтобы унять проклятый тремор пальцев. Этот тремор начался около двух месяцев назад, когда он впервые не смог внести ежемесячный платеж по собственной ипотеке. Сначала дрожь была едва заметной. Потом стала усиливаться, превратившись в настоящую проблему: он боялся держать ручку на совеща-

ниях, опасаясь, что его подчиненные заметят вибрацию. Паранойя или реальная угроза разоблачения — он уже не различал этих понятий.

Офис постепенно наполнялся утренним гулом, похожим на звук разогреваемого улья. Два десятка его сотрудников — молодых, голодных, идеально вымуштрованных — рассаживались по местам, подключали гарнитуры, загружали CRM-системы. На лицах — спокойствие пилотов-истребителей перед вылетом. Макс сам отбирал этих людей. Он проводил с ними психологические тесты, выискивая особый тип личности: амбициозные циники с высоким болевым порогом и отсутствием эмпатии как доминирующей черты. Он лично тренировал их, превращая обычных менеджеров по продажам в безжалостные машины по выбиванию долгов. Они не угрожали — это было незаконно и неэффективно. Они «рисовали перспективы». Они не давили на жалость — они «апеллировали к рациональному выбору». Они не пугали тюрьмой — они «моделировали правовые последствия». Скрипт, написанный Максом три года назад, был шедевром психологического манипулирования. Он разбивал должников на архетипы, находил уязвимости и бил в них с точностью снайпера.

«Если должник разведен — дави на чувство вины перед детьми. Если должник верующий — напусти о грехе стяжательства. Если должник патриот — намеки на ответствен-

ность перед экономикой страны. Если должник мать-одиночка...» — тут Макс сделал паузу, перечитывая свой собственный текст, и впервые за долгое время почувствовал что-то похожее на стыд. Но текст оставил. Мать-одиночка с тремя детьми и просрочкой по ипотеке — это был просто еще один кейс в его ежемесячной отчетности.

Он прошел через опенспейс, ощущая, как волны энергии его подчиненных омывают его, словно вода — камень. Взгляды, которые бросали на него сотрудники, были наполнены смесью обожания и ужаса. Для них он был живой легендой, воплощением корпоративного успеха. «Цепной Пес Банка» — это прозвище, придуманное кем-то из юристов, прилипло к нему намертво, но он не возражал. Пес — животное преданное. А он был предан. Предан банку, системе, иерархии. Предан цифрам. Он верил в то, что делал. Верил до того самого дня, пока сам не оказался по ту сторону баррикад. Пока сам не стал должником. Пока не услышал в телефонной трубке голос, похожий на голоса его же сотрудников, и не почувствовал, как земля уходит из-под ног.

Он зашел в свой «аквариум» — так в отделе называли стеклянную переговорную в центре зала. Она была его кабинетом, его тронным залом, его клеткой. Четыре стены из прозрачного стекла с идеальной звукоизоляцией создавали эффект аквариума: ты видишь все, что происходит снару-

жи, наблюдаешь за мельтешением рыб-сотрудников, но остаешься в абсолютной тишине. Макс придумал эту концепцию сам, когда ему предложили возглавить отдел. «Я хочу видеть их глаза, но не хочу слышать их разговоры. И я хочу, чтобы они видели меня. Всегда. Чтобы они знали: я смотрю». Стекло было метафорой власти. А еще — метафорой одиночества.

Он опустился в кресло — дорогое, ортопедическое, с функцией массажа, которую он ни разу не включал. Откинулся на спинку. Монитор компьютера, огромный, изогнутый, с диагональю в тридцать четыре дюйма, приветливо мигал логотипом банка. На рабочем столе — идеальный порядок. Ничего лишнего. Только папка «Взыскание_текущее», файл «График_эффективности_отдела» и ярлык системы быстрых платежей. Он кликнул по графику. Диаграмма расцвела зелеными и синими столбцами. План перевыполнен на сто двадцать три процента. Комиссионные отдела составят рекордную сумму. Его личный бонус, рассчитанный по сложной формуле с учетом понижающих и повышающих коэффициентов, обещал быть космическим. Космическим, но бесполезным.

Потому что его собственная финансовая вселенная схлопывалась со скоростью света.

Вибрация телефона прорезала тишину «аквариума» как скальпель, рассекающий кожу. Макс вздрогнул. Этот звук, короткая пульсирующая дрожь, которую его мозг научился идентифицировать мгновенно, вызывал в нем физиологическую реакцию ужаса. Выброс адреналина. Сужение зрачков. Спазм диафрагмы. Он знал этот номер. 8-800-555-XX-XX. Автообзвон коллекторского агентства, обслуживающего «Азиатско-Тихоокеанский Банк». Ирония судьбы, достойная пера какого-нибудь жестокого сатирика: его травила та же система, которую он построил. Звонили не Максиму Кольцову, начальнику отдела взыскания. Звонили Максиму Кольцову, заемщику, просрочившему платежи по валютной ипотеке. Звонили «телу договора». Идентификатору в базе данных. Скоринговому баллу, упавшему ниже плинтуса.

Телефон вибрировал на стеклянной поверхности стола, медленно, миллиметр за миллиметром, сползая к краю. Макс смотрел на него, не решаясь прикоснуться, как будто это был не кусок пластика и микросхем, а граната с выдернутой чекой. Отвечать не хотелось. Хотелось швырнуть трубку в стену, разбить ее вдребезги, а потом вскочить, выбежать из офиса, сесть в машину и гнать куда глаза глядят до тех пор, пока не кончится бензин. Но это была фантазия слабака. А слабаком он не был. Он был профессионалом. А профессионал знает: уклонение от контакта — первый шаг к пропасти. Он сам учил этому своих ребят: «Если должник не берет

трубку, значит, он напуган. А если он напуган, значит, у него есть что терять. Найдите, что именно, и давите туда».

Палец коснулся зеленой трубки. Экран мигнул, запуская таймер разговора.

— Алло, — голос прозвучал глухо, как из бочки. Макс прокашлялся, придавая ему привычную металлическую твердость.

— Доброе утро, Максим Алексеевич. — Голос на том конце провода был женский, молодой, с тщательно отрепетированными модуляциями. Ни слишком мягкий, ни слишком агрессивный. Такими голосами разговаривали его лучшие сотрудницы. Нейтрально, но с едва уловимым холодком, обещающим неприятности. — Вас беспокоит специалист отдела досудебного урегулирования задолженности Елена Валерьевна. Данный звонок записывается для целей контроля качества и может быть использован в качестве доказательства в суде. Удобно ли вам сейчас говорить?

«Нет, черт возьми. Неудобно. Я сижу в стеклянной клетке, смотрю на людей, которых сам превратил в хищников, и пытаюсь понять, в какой момент моя жизнь превратилась в дешевый триллер. Мне неудобно говорить, потому что каждое твоё слово — это зеркало, в котором я вижу собственное

отражение. Потому что три года назад я написал скрипт, по которому ты сейчас со мной разговариваешь».

— Удобно, — отрезал Макс. — Но давайте быстрее, у меня совещание через десять минут.

«Ложь. Первый признак слабости. Должник лжет, чтобы создать иллюзию занятости, иллюзию контроля над ситуацией. Но кредитор знает, что никакого контроля нет. Что должник уязвим. Что он боится».

— Понимаю вашу занятость, Максим Алексеевич, и ценю, что вы нашли время для диалога. — Елена Валерьевна говорила по бумажке, это было очевидно, но бумажка была написана профессионально. — Я звоню вам в связи с ситуацией по вашему ипотечному кредитному договору номер 14-7893-ИК, заключенному с «Азиатско-Тихоокеанским Банком» три года и четыре месяца назад. Объект залога — квартира общей площадью двести двенадцать квадратных метров, расположенная по адресу: Москва, Пречистенская набережная, дом 15, корпус 2, жилой комплекс «Сапфир». Сумма основного долга на момент заключения договора составляла семнадцать миллионов триста тысяч рублей. В связи с изменением курса валюты договора и нарушением вами графика внесения ежемесячных платежей, на текущий момент просрочка составляет девяносто восемь дней. Сово-

купная сумма задолженности, включая проценты, штрафы и пени за нарушение сроков оплаты, составляет девятнадцать миллионов восемьсот сорок тысяч рублей тридцать две копейки. Мы вынуждены констатировать, что все попытки связаться с вами для урегулирования ситуации в досудебном порядке до настоящего момента игнорировались. У вас есть предложения по графику погашения задолженности?

Каждое слово падало как камень, брошенный в колодец. Девятнадцать миллионов восемьсот сорок тысяч рублей тридцать две копейки. Сумма с копейками. Издевательская точность банковской системы, которая считает каждую секунду просрочки, каждую микроскопическую долю процента. Макс знал, как это работает. Он сам настраивал такие алгоритмы. Ночью, пока должник спит, пытаюсь забыть-ся, программа пересчитывает его долг, прибавляя штрафы. Проснувшись утром, должник уже должен больше, чем вчера. Это математика ада.

Он закрыл глаза. Перед внутренним взором всплыла квартира. Их «семейное гнездо», как называла ее Света. Четыре комнаты, огромная кухня-гостиная с панорамными окнами, из которых открывался вид на излучину Москвы-реки. Три санузла, гардеробная размером с однокомнатную квартиру в спальном районе. Детская, которую они ремонтировали три месяца, выбирая экологически чистые материалы. Света на-

стояла на пробковых полах: «Максик, представь, наша малышка будет делать первые шаги по теплому полу, а не по холодному ламинату». Он представлял. И растаял. Они купили пробку из Португалии, за бешеные деньги. Весь ремонт обошелся в сумму, сопоставимую со стоимостью небольшого дома в Подмосковье. Но Макс не жалел. Он строил крепость для своей семьи.

В тот год, когда они подписывали кредитный договор, доллар стоил шестьдесят рублей с копейками. Аналитики банка, его коллеги, убеждали: валютная ипотека выгодна, ставка по ней на два процента ниже, чем по рублевой. Для топ-менеджера уровня Макса это была стандартная практика. Все его коллеги брали валютные кредиты — на квартиры, на машины, на яхты. Это считалось признаком финансовой грамотности. «Держать деньги в рублях — грех, брать кредит в валюте — умно». Аксиома, которую никто не подвергал сомнению.

А потом случился кризис. Обвал рубля. Санкции. Доллар взлетел до ста двадцати, потом немного откатился, но закрепился на отметке, которая превратила его ежемесячный платеж из «внушительного, но посильного» в «катастрофический и невозможный». Семнадцать миллионов превратились в девятнадцать с хвостиком. И продолжали расти, как снежный ком, запущенный с горы.

— Я не игнорирую ваши звонки, Елена Валерьевна, — произнес Макс медленно, тщательно контролируя интонации. Он знал: на том конце провода сидит такой же профессионал, как он сам. И этот профессионал анализирует каждую его оговорку, каждую паузу, каждый вздох. — Я нахожусь в процессе поиска оптимального финансового решения. Ситуация с курсом валют является форс-мажорной. Ни один макроэкономический прогноз не предсказывал таких колебаний.

— Максим Алексеевич, я вынуждена с вами не согласиться, — голос Елены Валерьевны оставался спокойным, но в нем появилась новая нота. Нота превосходства. Она знала то, что не знал он. Она владела информацией. — Пункт 4.2 вашего кредитного договора, подписанного вами лично и заверенного печатью кредитного комитета, однозначно фиксирует ответственность заемщика за все валютные риски. Вы, как лицо, обладающее специальными познаниями в финансовой сфере, были осведомлены о возможности курсовых колебаний. Более того, ваш профессиональный статус — руководитель отдела взыскания — позволяет нам предположить, что вы осознавали последствия принимаемых на себя обязательств с большей степенью ясности, чем рядовой заемщик. Банк не может трактовать текущую ситуацию как форс-мажор. Это рыночный риск, который вы добровольно приняли.

«Вот оно. Они подготовились. Они изучили мое досье. Они знают, где я работаю. Более того, они будут использовать это против меня. Я сам бы сделал точно так же».

— Я помню пункт 4.2, — Макс сжал пальцами переносицу. Перед глазами плавали черные пятна. — Я не отказываюсь от обязательств. Я предлагаю реструктуризацию. Перевод долга в рубли по курсу на момент заключения договора. Или, как минимум, кредитные каникулы на шесть месяцев с заморозкой штрафов.

— Реструктуризация возможна исключительно при условии полного погашения текущей просрочки, а это три миллиона сто сорок тысяч рублей до конца текущего месяца. Кредитные каникулы ваш договор не предусматривает. Мы осведомлены о вашем официальном годовом доходе и о размере бонусной части, выплачиваемой вам ежеквартально. Совокупный объем ваших поступлений позволяет погасить просроченную задолженность без существенного ущерба для качества жизни. — Тут она сделала короткую паузу, которую Макс сразу распознал. Пауза перед контрольным выстрелом. — Также я вынуждена напомнить вам о последствиях дальнейшего уклонения от исполнения обязательств. При непогашении задолженности в срок до пятнадцатого числа текущего месяца банк оставляет за собой право ини-

цировать судебное взыскание с последующей реализацией залогового имущества. Кроме того, в соответствии с внутренним регламентом, мы будем вынуждены проинформировать вашего текущего работодателя о наличии у вас критической просроченной задолженности. Насколько нам известно, служба безопасности вашего банка уделяет пристальное внимание финансовой благонадежности сотрудников, особенно тех, кто имеет доступ к конфиденциальной информации о клиентах.

Это был нокаут. Прямо в печень. Макс почувствовал, как внутри все холодеет, как перехватывает дыхание, как к горлу подкатывает ком тошноты. Служба безопасности «Роспромбанка». Его собственный банк. Люди, с которыми он работал бок о бок, которым он сам, три месяца назад, передавал досье на трех менеджеров, засветившихся с просрочками в микрофинансовых организациях. Тогда он говорил: «Кузьмич, ты понимаешь, что такое сотрудник с долгами? Это ходячая угроза. Если у человека финансовые проблемы, он уязвим для вербовки, для шантажа, для мошеннических схем. У него есть цена. Любой долг — это цена человека». Кузьмич, пожилой полковник ФСБ в отставке, кивал, поглаживая седые усы, и подписывал приказы об увольнении.

Теперь они сожрут его. Сожрут, не подавившись. И самое страшное — он понимал, что они будут правы. Чело-

век с долгом в девятнадцать миллионов действительно уязвим. Действительно опасен. Действительно имеет цену. Вопрос лишь в том, кто предложит эту цену первым.

— Я вас услышал, — тихо сказал Макс. — Я приму меры. Ожидайте поступления средств до указанной даты.

— Благодарю за конструктивный диалог, Максим Алексеевич. Всего доброго. Берегите себя.

«Берегите себя». Какая издевательская формулировка. Что они вкладывают в эти слова? Вежливую угрозу? Искреннее пожелание? Или напоминание о том, что он сам — всего лишь еще один должник в их бесконечной базе данных, и его благополучие зависит от того, насколько быстро он найдет деньги?

Он бросил телефон на стеклянную поверхность стола. Аппарат проскользил, ударился о металлический угол ноутбука и замер. Макс уставился в потолок, пытаясь выровнять дыхание. Сердце колотилось где-то в горле, пульс зашкаливал. Он чувствовал себя загнанным зверем. Загнанным в клетку, которую сам же и построил.

Девятнадцать миллионов восемьсот сорок тысяч. Банк.

И еще двадцать четыре миллиона. Клиника «Хадасса», Израиль.

Он полез в карман пиджака и достал сложенный вчетверо лист бумаги. Счет на оплату медицинских услуг. Распечатанный вчера вечером, уже порядком истрепанный от постоянного перечитывания. Строчки на английском языке расплывались перед глазами. «ALL-2, high-risk group. Bone marrow transplantation. Estimated cost: 400,000 USD. Prepayment required: 150,000 USD».

Алиса. Его дочь. Его маленькая, нежная, лысая после химиотерапии девочка с огромными серыми глазами, унаследованными от матери. Четыре года. В четыре года дети должны играть в песочнице, собирать пазлы и верить в фей. В четыре года они не должны лежать под капельницей в онкологическом отделении, подключенные к мониторам, которые пищат каждые десять минут, отслеживая уровень лейкоцитов.

Острый лимфобластный лейкоз. Диагноз прозвучал как гром среди ясного неба полтора года назад. Тогда они верили, что химия поможет. Врачи в федеральном центре говорили обнадеживающие слова: «современные протоколы», «высокий процент ремиссии», «мы справимся». Они справлялись. Алиса прошла несколько блоков химиотерапии, и на

какое-то время болезнь отступила. Света плакала от счастья. Макс выдохнул. А потом случился рецидив. Внезапный. Жестокий. Протоколы, работавшие раньше, перестали давать эффект.

Консилиум врачей развел руками. Нужна пересадка костного мозга. Квота на операцию в России была, но очередь растянулась на полгода, а ждать полгода Алиса не могла. Болезнь прогрессировала слишком быстро. Оставался единственный выход — частная клиника в Израиле, у которой был протокол лечения именно таких рецидивирующих форм. Четыреста тысяч долларов. Сумма, сопоставимая с бюджетом небольшого муниципалитета. Двадцать четыре миллиона рублей сверх его долга. Астрономическая цифра, которую его мозг отказывался осознавать.

Макс аккуратно сложил лист и убрал обратно в карман. Этот лист был его персональной иконой. Его молчаливой молитвой. Его проклятием.

Он вспомнил утро. Сегодняшнее. Запах больницы, въевшийся в подкладку пиджака. Этот запах нельзя спутать ни с чем: смесь дезинфицирующих средств, лекарственных препаратов и чего-то неуловимого, что можно назвать «запахом страдания». Он заехал в отделение перед работой, как делал каждое утро последние полгода. Алиса спала. Ее тоненькое

тельце под больничным одеялом казалось почти невесомым. Пушок на голове, начавший отрастать после последнего курса химии, напоминал пух одуванчика — такой же светлый, такой же хрупкий. Света сидела рядом, в кресле, уронив голову на сложенные руки. Она не спала. Просто лежала, обессиленная, выжатая до капли. Макс постоял в дверях палаты, не решаясь войти и разбудить жену. Он смотрел на них — двух самых дорогих ему людей — и чувствовал себя абсолютно, космически беспомощным.

Ему сорок лет. Он мужик. Он должен решать проблемы. Должен добывать деньги. Должен стучаться во все двери, продавать имущество, брать кредиты, воровать, в конце концов. Но двери закрывались одна за другой. Квартиру продать нельзя — она в залоге. Машина — кредитная. Все сбережения ушли на первые этапы лечения. Помощь родственников иссякла — у всех свои проблемы, свои кризисы. Он пытался взять кредит в других банках, но его кредитная история уже была отравлена просрочкой, и автоматические системы скоринга отклоняли заявки одну за другой. Он, человек, который мог одобрить кредит на миллиард рублей юридическому лицу, не мог получить сто тысяч рублей наличными на собственное имя.

Это был замкнутый круг, превративший его жизнь в сюрреалистический театр абсурда. С одной стороны, он возглав-

лял отдел взыскания крупнейшего банка и выбивал долги из сотен людей ежедневно. С другой стороны, он сам был злым неплательщиком, которого травили коллекторы. С одной стороны, он учил своих сотрудников давить на болевые точки должников. С другой стороны, каждая такая точка была и в его теле, и нажатие на нее причиняло адскую боль. Он знал все приемы, все манипуляции, все психологические ловушки — но это знание не спасало. Оно делало пытку еще изощреннее.

Днем он сидел в переговорной с должниками и металлическим голосом объяснял им, что завтра их дом уйдет с молотка. Вечером он слушал те же слова от коллекторов, обращенные к нему самому. Это было похоже на кармическое воздаяние. Или на чью-то злую шутку. Он не верил в Бога. Но если Бог существовал, то у него было чертовски извращенное чувство юмора.

В дверь «аквариума» деликатно, но настойчиво постучали. Макс вздрогнул, выныривая из бездны собственных мыслей, как ныряльщик, у которого заканчивается кислород в баллоне. На пороге стоял Стас — его заместитель, правая рука, двадцатисемилетний карьерист с модной бородкой и неизменным стаканчиком латте на кокосовом молоке. Стас был хорош. Пожалуй, лучший из всего выводка. Холодный, расчетливый, безжалостный. Макс видел в нем себя десять

лет назад, до того, как жизнь разбила розовые очки о суровую реальность.

— Шеф, разрешите? — Стас приоткрыл дверь, впуская в стерильную тишину аквариума гул опенспейса. — Там Корнеев пришел. Помните? «Вектор-Строй». Сорок два миллиона. Просрочка сто сорок дней. Явился лично, без адвоката. Говорит, хочет решить вопрос полюбовно. Ссылается на то, что счета арестовали субподрядчики, кассовый разрыв, форс-мажор и все такое. Просит отсрочку. И чай.

Макс медленно повернулся в кресле. Его лицо менялось на глазах — это был особый талант, которым он владел в совершенстве. Мышцы лица расслаблялись, взгляд стекленел, губы сжимались в тонкую, почти невидимую линию. Из уставшего, загнанного в угол мужчины он превращался в хищника. В того самого Цепного Пса, которого боялись все.

— Корнеев, значит, — протянул он задумчиво. — Который в прошлый раз клялся мамой, что погасит тело кредита. Который плакал в этой самой переговорной и обещал продать свой автопарк. И что? Продал?

— Никак нет. По данным мониторинга, «Гелендваген» последней модели оформлен на жену, фиктивный развод зарегистрирован месяц назад. Коттедж в Пирогово переписан

на тестя. Активы выведены, но мы зафиксировали цепочку сделок. Есть признаки преднамеренного банкротства.

— Отлично, — Макс произнес это слово так, что у Стаса, кажется, мороз пробежал по коже. — Значит, чай он хочет. Отсрочку. Полюбовно.

Он встал, одернул пиджак, проверил запонки. Движения были резкими, отточенными, полными скрытой угрозы.

— Никакой отсрочки, Стас. Никакого чая. Пусти его в переговорную номер три. Пусть посидит там минут двадцать, подумает о вечном. А ты подготовь мне полную выписку по движимому и недвижимому имуществу, доказывающую аффилированность сделок по выводу активов. И заявление в правоохранительные органы по статье 177 УК РФ подготовь, но пока не подавай. Будет моим козырем.

Стас кивнул, сделал пометку в планшете, но продолжал стоять.

— Шеф, там еще вопрос по стратегии. Он реально загнанный. Денег у него сейчас нет, вы сами знаете. Мы можем сколько угодно пугать его сроком, но если посадим — кто нам долг вернет? Может, дать ему все-таки шанс? Пусть продает технику, гасит часть. Мировое соглашение...

— А знаешь что, Стас? — Макс повернулся к нему, и в глазах его промелькнуло что-то темное, похожее на отчаяние, маскирующееся под гнев. — Ты хочешь дать шанс человеку, который сознательно вывел активы, обманул банк, обманул меня лично? Который сейчас сидит в коридоре и думает, как нас с тобой еще раз обуть? Знаешь, что я ему скажу?

Он подошел к заместителю почти вплотную, понизив голос до шепота.

— Я скажу ему, чтобы он продавал не только «Гелендваген». Скажу, чтобы продавал все. Квартиру тещи, дачу, коллекцию часов, жену, детей, почки — не важно. Деньги должны быть на счету банка до пятнадцатого числа. А если денег не будет — я лично прослежу, чтобы он сел, и срок ему нарисую по максимуму. Мне плевать на его субподрядчиков, на его кассовые разрывы, на его детей, которые без папы останутся. Он думал об этом, когда кредит брал? Когда подписи ставил? Когда активы выводил? Думал? Нет. И я думать не буду. Все. Иди. Готовь бумаги.

Стас сглотнул, кивнул и исчез за стеклянной дверью, не сказав больше ни слова. Он знал: в такие моменты спорить с шефом не просто бесполезно, а опасно. Макс остался сто-

ять посреди «аквариума», тяжело дыша. Адреналин бурлил в крови, смешиваясь с остатками кофеина и глюкозы. Он сам не заметил, как перешел грань. «Почки продавай». Это уже не было метафорой. Это было отражением его собственного внутреннего состояния. Потому что он сам сейчас был готов продать все что угодно ради спасения дочери. И эта готовность пугала его сильнее, чем любые угрозы коллекторов.

Переговоры с Корнеевым длились чуть больше часа. Макс вошел в переговорную, как актер выходит на сцену — вживаясь в роль, полностью, без остатка. Он был беспощаден. Он разложил на столе перед растерянным, вспотевшим мужиком, который еще вчера был успешным предпринимателем, пачку документов. Графики, схемы движения средств, фотографии особняка, переписанного на престарелого тестя. Тихо, почти ласково, он объяснил Корнееву, что его схема вывода активов шита белыми нитками, и что суд признает эти сделки мнимыми в течение двух недель. Что его ждет не просто банкротство, а уголовное дело с реальным сроком. Что его дети, ради которых он «спасал имущество», останутся не только без наследства, но и без отца.

Корнеев держался первые полчаса. Пытался торговаться. Предлагал десять процентов сейчас, еще десять через полгода. Пытался давить на жалость: «У меня трое детей, Максим Алексеевич, вы же человек, поймите». Макс смотрел на него

ледяными глазами и думал: «У меня одна дочь. Одна-единственная. И она умирает. И никто не дает мне отсрочку. Никто не дает мне шанс». Но вслух этого не говорил. Вслух он говорил другое — про санкции, про арест счетов, про реализацию залога на публичных торгах.

Через час Корнеев сломался. Он сидел, обхватив голову руками, и раскачивался из стороны в сторону, как молящийся иудей у Стены Плача. Макс знал эту позу. Это была поза полной капитуляции. Корнеев подписал все бумаги — акт сверки, признание долга, обязательство погасить пятьдесят процентов в течение трех месяцев. Понимал ли он, что это нереально? Понимал. Но ему нужна была передышка. Хотя бы иллюзия отсрочки. Макс дал ему эту иллюзию, зная, что через три месяца вернется и дождет его до конца. Так работала система. Пережевывала человека медленно, давая ложные надежды, пока не переваривала полностью.

Когда Корнеев, пошатываясь, вышел в коридор, Макс остался сидеть за столом. Он смотрел на разбросанные бумаги и чувствовал не триумф, не удовлетворение от хорошо проделанной работы, а глухую, тошнотворную пустоту. Еще одна сломанная судьба. Еще один галочка в отчете эффективности. Еще один должник, который не будет спать ночами. Принцип домино, запущенный неизвестной рукой. Макс давит Корнеева. АТБ-банк давит Макса. Где-то наверху, на

невидимом этаже этой гигантской финансовой пирамиды, кто-то давит на АТБ-банк. И так до бесконечности. Кто на самой вершине? Чьи пальцы перебирают костяшки этого чудовищного домино? Может быть, никто. Может быть, это просто хаос. Бездушная математическая модель, в которой он, Макс, — всего лишь одна из переменных.

Он вернулся в свой «аквариум», когда офис уже начал пустеть. Солнце, выглянувшее было после обеда, снова скрылось за тяжелыми тучами, и город внизу погрузился в ранние осенние сумерки. Зажглись первые огни — желтые прямоугольники окон в домах напротив, неоновая реклама банков, отелей и ресторанов, бесконечные рубиновые точки габаритных огней на пробках Садового кольца. Москва зажигала свою вечернюю иллюминацию, красивую и равнодушную.

Сотрудники собирали вещи. Леночка, прощаясь, погасила свет в приемной, оставив только дежурное освещение в коридорах. Офис погружался в тишину, нарушаемую лишь мягким гулом вентиляции и редкими щелчками остывающих батарей отопления. Макс остался один. Совсем один, в стеклянной клетке на тридцать втором этаже. Царь горы. Властелин пустого пространства.

Он открыл верхний ящик стола. Там, в конверте из плот-

ной крафтовой бумаги, лежала фотография. Он доставал ее каждый вечер, когда все уходили. Это был ритуал. Минута слабости, которую он не мог позволить себе при свидетелях. Фотография Алисы, сделанная в прошлом году в Парке Горького. Солнечный день, желтые кленовые листья, набережная. Алиса смеется, у нее выпал передний зуб, и улыбка от этого кажется еще трогательнее. Две косички, перевязанные голубыми резинками. Голубые глаза, сияющие, полные жизни. Он провел пальцем по стеклу рамки. Стекло было холодным, как окно, в которое он смотрел утром. Холодным, как его жизнь.

«Я вытащу тебя, малышка. Слышишь? Я вытащу тебя, чего бы мне это ни стоило. Даже если придется продать душу».

Он сам не заметил, как прошептал эти слова вслух. Слова, которые должны были бы прозвучать как молитва. Но прозвучали как сделка с дьяволом.

Телефон завибрировал вновь. Макс дернулся, ожидая увидеть знакомый номер коллекторов, но на экране высветилось уведомление мессенджера. Незнакомый контакт. Ник — бессмысленный набор цифр и букв, сгенерированный автоматически. Аватарка отсутствовала. Стандартный серый кружок с белым силуэтом.

Макс нахмурился. Корпоративный мессенджер банка имел несколько уровней защиты, и спам-фильтры отсекали девяносто девять процентов мусора. Любое внешнее сообщение проходило проверку системы безопасности. Какой-то бот? Вирус? Он уже хотел смахнуть уведомление и заблокировать отправителя, но взгляд зацепился за превью текста, отображенное в строке уведомления. Всего несколько слов, но их оказалось достаточно, чтобы рука замерла в воздухе, а сердце пропустило удар, а затем забило с утроенной силой.

«Мы знаем про твой долг».

Макс уставился на экран. В висках застучало. Холодок пробежал по позвоночнику, спускаясь к пояснице. Это не могло быть случайностью. Не могло быть спамом. Кто-то бил прямо в цель. В самую болевую точку.

Он оглянулся. Офис был пуст. Только гул вентиляции и далекие огни ночного города за стеклянными стенами. Он чувствовал себя аквариумной рыбкой, на которую смотрит из темноты невидимый наблюдатель. Пальцы, все еще дрожащие, коснулись иконки сообщения. Чат открылся, и полный текст развернулся на весь экран, вытесняя все остальное — и фотографию Алисы, и рабочие чаты, и уведомления банка.

«Мы знаем про твой долг. Про ипотеку в АТБ. Девятнадцать миллионов восемьсот сорок тысяч. Мы знаем про счет из „Хадассы“. Четыреста тысяч долларов. Знаем, что твой бонус не закроет и трети тела кредита. Знаем, что ты на пределе. Что ты готов продать почки. Смешно.

Мы предлагаем тебе списать всё. Без денег. Ты не заплатишь ни копейки. Долги перед АТБ будут закрыты. Израильская клиника получит предоплату в течение двадцати четырех часов. Полную предоплату. Четыреста тысяч долларов.

Взамен — услуга. Ты умеешь давить. Ты профессионал. Ты сделаешь для нас одну работу. Профессиональную. Никаких убийств. Никакого криминала. Просто принуждение к сделке. Твои обычные переговоры, только с нужным нам результатом.

Если ты согласен, просто оставайся на месте еще пятнадцать минут. Мы сами с тобой свяжемся.

Если нет — удали это сообщение и живи дальше. Дальше — это значит: твоя дочь в очереди на квоту, твоя квартира на торгах, твоя карьера в мусорной корзине. Выбор за тобой».

Макс прочитал текст трижды. Четырежды. Пять раз. Слова не менялись. Смысл не тускнел. Удар был настолько то-

чен, настолько смертоносен, что на мгновение его сознание просто отключилось, уступив место чистой, животной панике. Откуда? Откуда они знают про клинику? Про «Хадасу»? Про точную сумму счета? Он никому не говорил — ни коллегам, ни друзьям. Только Света. Только врач. Только он сам. И банк, в который он подавал заявку на кредит для оплаты лечения. Но та заявка была конфиденциальной. Или нет?

Откуда они знают про «почки»? Эту фразу он бросил Стасу час назад в «аквариуме». Разговор прослушивается? Но кем? Службой безопасности? Или... или эти люди имеют доступ к системам наблюдения банка? Или к его телефону? Или к чему-то еще?

Он вскочил с кресла, судорожно оглядывая «аквариум». Стелянные стены. Пустой опенспейс за ними. Камеры наблюдения под потолком — три штуки, он знал их расположение. Обычные камеры безопасности. Но что, если к ним подключился кто-то чужой?

«Успокойся, — приказал он себе. — Паника — это то, чего они ждут. Думай. Анализируй. Ты же профессионал».

Он сел обратно, заставляя себя дышать медленно и глубоко. Итак, факты. Некто неизвестный обладает информацией, которую невозможно получить легальным путем. Некто

неизвестный предлагает решить его проблемы — все, скопом, разом — в обмен на «услугу». Что это за услуга? «Приращение к сделке». Его профиль. Его специализация. Значит, им нужен не просто вышибала, а профессионал высокого уровня. Значит, объект воздействия — кто-то крупный. Кто-то, кого обычными методами не взять.

«Никаких убийств. Никакого криминала». Ложь. Если эти люди могут списать девятнадцать миллионов и оплатить четыреста тысяч долларов, значит, ставки в их игре на порядок выше. И «услуга», которую они потребуют взамен, будет стоить этих денег. Она будет грязной, опасной, возможно, незаконной. «Никакого криминала» — это успокоительная приманка для идиотов. А он не идиот.

Но он загнан в угол.

Макс посмотрел на часы. 20:15. Пятнадцать минут. Они дали ему пятнадцать минут. Почему? Чтобы он не успел проконсультироваться с юристами? Чтобы не позвонил в службу безопасности? Или это психологический трюк, создающий иллюзию срочности, подталкивающий к импульсивному решению? «Ограничение по времени снижает критичность мышления», — так говорил он сам на тренингах по переговорам. И теперь этот прием применяли к нему.

Он перевел взгляд на фотографию Алисы, все еще лежащую на столе. На ее смеющееся лицо, на выпавший зуб, на голубые резинки. Потом перевел взгляд на экран телефона, где пульсировало анонимное сообщение. Два пути. Две реальности.

В одной реальности он встает, удаляет сообщение, выключает телефон, едет в больницу. Живет дальше — в долгах, в страхе, в постоянной гонке за деньгами, которых нет. В этой реальности его увольняют через месяц, квартиру продают с торгов, Алиса ждет квоты месяцами, и никто не гарантирует, что дождется.

В другой реальности он остается. Ждет звонка. Соглашается на сделку с неизвестными силами. И его долги исчезают. Клиника получает деньги. Алиса получает шанс. А он... он получает новую работу. И новую цену за свою душу.

Макс положил телефон на стол экраном вверх. Он не встал. Не удалил сообщение. Не ушел. Стеклянные стены «аквариума» превратились в зеркала ночного города, и в этих зеркалах он видел собственное отражение — темный силуэт на фоне миллионов огней. Человек, принимающий решение. Человек, переступающий черту.

Часы показывали 20:16. Тишина вокруг стояла абсолют-

ная, звенящая, как после взрыва. Он сидел неподвижно, в самом центре пустого офиса, на тридцать втором этаже, над миллионным городом, который спал, работал, любил и ненавидел. И где-то там, в этом городе, была его дочь, которая ждала чуда. И были незнакомцы, которые это чудо обещали. Он ждал. Пятнадцать минут истекали. Скоро, совсем скоро, телефон зазвонит вновь, и невидимый собеседник произнесет слова, которые изменят всё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.